DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-4-188-199

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОЯВЛЕНИЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ТОПОНИМИЧЕСКИХ ПРОЗВИЩАХ

А.В. Багаева, канд. социол. наук, доц., доц. кафедры социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Статья посвящена актуальной проблеме, отражающей отчетливо видимый кризис коммуникативной культуры, который скрывает более глубокий конфликт социальных ценностей. Этот конфликт проявляет себя в ломке сформированных в прошлом образцов, эталонов действия в конкретных ситуациях общения представителей разных этносов, культур, конфессий и пр. Всплеск рождения новых этнофолизмов, выступающих в качестве наиболее экспрессивных этнонимов, совпал по времени с подъемом на новый уровень языка вражды, в котором самые разнообразные социально окрашенные прозвища превращаются в мощный инструмент политической стигматизации любых отличных от субъекта данного процесса персон или общностей.

Изучение такого явления носит междисциплинарный характер и невозможно без знаний фактов истории, культуры, языка, экономической жизни разных этнических групп. Предпринятое в статье исследование этнофолизмов в виде существующих топонимических прозвищ позволяет выявить основания двойственного отношения к тенденции регионализации, проявляющегося в том, что, с одной стороны, она находится под давлением тех же социальных, экономических, политических и духовных процессов, которые вызвали крах глобальных проектов, однако, с другой стороны, приближенность региональных действий к местным условиям дает основание для прогнозирования возможности через укрепление идентичности, с одной стороны, создать более прочную социально-экономическую базу развития региональных сообществ, а с другой — найти новую модель их взаимодействия в глобальном пространстве.

Ключевые слова: *социальная общность, региональная идентичность, язык вражды, социальная стигматизация, ксенофобия, коммуникативная культура, антропонимические термины, топонимия.*

* **Багаева Алиса Валерьевна,** e-mail: bagaeva@socio.msu.ru

SOCIAL ASPECTS OF MANIFESTATIONS OF REGIONAL IDENTITY IN TOPONYMIC NICKNAMES

Bagaeva Alisa V., Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology of Communicative Systems, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: bagaeva@socio.msu.ru

The article is devoted to an actual problem that reflects a clearly visible crisis of communicative culture, which hides a deeper conflict of social values, manifested in the breakdown of patterns formed in the past, standards of action in specific situations of communication between representatives of different ethnic groups, cultures, confessions, etc. A surge in the birth of new ethnopholisms, acting as the most expressive ethnonyms, coincided with the rise to a new level of hate speech, in which the most diverse socially colored nicknames turn into a powerful tool for political stigmatization of any persons or communities that are different from the subject of this process.

The study of such a phenomenon is interdisciplinary in nature and is impossible without knowledge of the facts of history, culture, language, economic life of different ethnic groups. The study of ethnopholisms in the form of toponymic nicknames allows us to find out the reasons for the ambivalent attitude towards the trend of regionalization, when, on the one hand, it is under pressure from the same social, economic, political and spiritual processes that caused the collapse of global projects, however, on the other hand, the proximity of regional actions to local conditions, provides a basis for predicting the possibility, through the strengthening of identity, to create both a stronger socio-economic basis for the development of regional communities, and to find a new model for their interaction in the global space.

Key words: *social community, regional identity, hate speech, social stigmatization, xenophobia, communicative culture, anthroponymic terms, toponymy.*

Обращение к проблематике, связанной с историей происхождения и современным состоянием социально-лингвистического ландшафта, знаковыми элементами которого наряду с этнонимами выступают этнофолизмы, продиктовано потребностью обеспечения для человека начала XXI столетия своеобразной карты социальной навигации, позволяющей обходить опасные точки межэтнического общения. Причем такие, которые проявляясь в настоящем, имеют глубокие корни в прошлом, но продолжают влиять на социальную реальность и даже формировать будущие паттерны общественного поведения. В этом свете минимизация возможности зарождения очагов конфликтности, способных препятствовать успешному взаимодействию различных региональных социальных акторов, служит не только установлению добрососедских отношений. Она направлена на решение множества общих для близко проживающих на-

родов экономических и культурных задач, развитие региональных интеграционных процессов и закладывает основы для региональной идентичности.

Актуализация установления идентичности как индивида, так и отдельной социальной группы обусловлена ростом напряжения почти во всех областях взаимодействия: межличностного, делового, международного и т.д. Причин такого почти гнетущего драматизма очень много. Их нельзя списывать лишь на особенности современного этапа развития всего мира, отдельных регионов или государств, носящие объективный характер. Многие проблемы порождены обычным человеческим фактором. Безусловно, вызванные им обстоятельства не есть только плод испорченной людской природы. Что-то из этого изначально не совсем добродетельного багажа оказалось еще более искажено благами цивилизации. К природной лени добавилась возможность переложить часть трудовых обязанностей где-то на менее благоустроенных мигрантов, а где-то — уже и на роботов. К нежеланию людей проявлять физическую активность присовокупился соблазн заменить ее на виртуальные впечатления от таковой. От здоровой пищи многих людей стало отвлекать многообразие фастфуда. Из всего перечисленного и многого другого неизбежно следовали не только проблемы, связанные со здоровьем, но и с карьерным ростом, семейными отношениями, общим взглядом на окружение и собственные жизненные перспективы.

Одним из проявлений этого внутреннего кризиса стало тиражирование образов врагов, стремление к стигматизации не столько конкретных неугодных и неудобных в общении лиц, сколько навешивание всяческих ярлыков на представителей других культур, национальностей, религий[1]. Чаще всего и проще всего это поведение начало выражаться в формах языка вражды (англ. *hate speech*), выступающей разновидностью риторики ненависти, отражающей специфические национальные, религиозные, культурные ценности, на которых возвышаются нетерпимость, межнациональная рознь, ксенофобия, расизм, а также гомофобия и сексизм[2].

К числу наиболее емких определений языка вражды можно отнести то, что было дано в 1997 г. Комитетом министров Совета Европы (фр. *Comité des ministres du Conseil de l'Europe*) в Рекомендации

---

[1] *Терновая Л.О.* Образ "врага" в "век тревоги" // Молодежь России перед лицом глобальных вызовов на рубеже веков (Как противостоять агрессивному экстремизму, ксенофобии и насилию среди молодежи). Мат-лы междунар. конф. 18–19 ноября 2000 г. Москва, Россия. М., 2001. С. 164–167.

[2] *Дубровский Д.В.* и др. Язык вражды в русскоязычном Интернете: Мат-лы исследования по опознаванию текстов ненависти. СПб., 2003.

№ R (97) 20, отметившем его как любые формы самовыражения, включающие распространение, провоцирование, стимулирование или оправдание расовой ненависти, ксенофобии, антисемитизма или других видов ненависти на основе нетерпимости, в том числе нетерпимость в виде агрессивного национализма или этноцентризма, дискриминации или враждебности в отношении меньшинств, мигрантов и лиц с эмигрантскими корнями[3]. Несмотря на то что весной 2022 г. Россия прекратила свое членство в Совете Европы, а также то, что площадка этой региональной организации все чаще превращалась в место выражения того, что сами же его эксперты обозначали как язык вражды, его определение и сегодня можно считать весьма точным.

Язык вражды всегда был извращенной формой коммуникации. Он служил в прошлом и сейчас продолжает играть роль механизма идентификации любого другого, имеющего такие отличия от субъекта идентификации, которые по ряду причин у него вызывают негативные чувства: неприязни, зависти, злобы... Среди таких причин выделяются не только этнокультурные, конфессиональные, но также экономические или геополитические. Вариантов выражения недоброжелательности великое множество. Одним из них становится использование прозвищ, заменяющих либо антропоним, либо этноним на основании определенной характеристики, данной человеку, этносу, региональной социальной общности в соответствии с особенностями их происхождения, места проживания, отличительных черт хозяйственной деятельности[4].

В научной литературе подобные экспрессивные этнонимы получили наименования этнофолизмов (др.-греч. ἔθνος — племя, род + φαῦλος — ничтожный, порочный). Их смыслы отличаются от обобщенных названий жителей и от указания на население конкретной местности, известных как демонимы (др.-греч. δῆμος — народ + ὄνυμα — имя, название) и катойконимы (др.-греч. κατά — под + οἶκος — дом), тем, что помимо трансляции оппозиции "свой–чужой", они выражают крайне негативное отношение к именуемой

[3] Рекомендация N R (97) 20 Комитета министров Совета Европы государствам-членам "О вопросах разжигания ненависти". URL: https://docs.cntd.ru/document/90199634 (дата обращения: 30.09.2022).

[4] См., например: *Парфенова Н.Н.* Из истории антропонимических терминов: фамилия, прозвище, прозвание // Русский язык: вопросы теории и методики преподавания: Сб. науч. ст. / Редкол. А.М. Гильбурд и др. Сургут, 2000. С. 60–68; *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А.В. Суперанская. М., 1988; *Шостка Е.С.* Региональные прозвища: психологическая и социальная характеристика // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Вып. 5 (73). С. 59–62.

общности, подчеркивая ее отдаленность от собственной, чуждость ей, а часто еще и презрение[5]. Несмотря на то что топонимический массив позволяет исключительно точно идентифицировать образ "другого", к этнофолизмам могут относиться термины, далекие от обозначения места происхождения объектов наименования, но способные приобретать пейоративное значение, например, обозначающие цвет кожи "черный", "желтый" или родство ("брат", "братишка"), например, прозвище "бролюкас" (лит. *brolis* — брат)[6].

Рассмотрим причины появления топонимических прозвищ. Широкое распространение топонимических прозвищ объясняется рядом причин. Самая простая из них состоит в потребности облегчить процесс межэтнического общения, когда у сторон имеются не только сложности в языковой передаче этнонима, но и в совпадении его с теми историко-культурными ориентирами, которые сформировались у народов при прямом или косвенном знакомстве друг с другом. Новые наименования далеко не всегда обидны, хотя заставляют задуматься, почему инициаторы этого общения не потрудились скорректировать либо неверное произношение исконного этнонима, либо добиться от простых людей, которым приходилось общаться с представителями другой культуры правильного понимания того, кто они и из каких мест происходят. Ярким примером таких искажений можно считать сохранение в современной топонимии Подмосковья памяти об итальянцах, которые во второй половине XV столетия по приглашению Великого князя Ивана III участвовали в строительстве Московского Кремля. Топонимы "Фрязино", "Фряново" и "Фрязево" берут начало в наименовании московитами уроженцев Южной Европы фрягами[7]. Термин "фрязин" пришел в русский язык из сербского, где он искаженно указывал на франка, как представителя древнегерманских племен. Но уже в то

---

[5] *Коробкова О.С.* Маркеры языка вражды в номинациях этнической принадлежности: социолингвистический аспект // Известия Росскийского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 111. С. 200–205.

[6] См., например: *Грищенко А.И.* Источники возникновения экспрессивных этнонимов (этнофолизмов) в современном русском и английском языках: этимологический, мотивационный и деривационный аспекты // Активные процессы в современной лексике и фразеологии: Мат-лы междунар. конф. 8–9 июня 2007 г. памяти Л.В. Николенко и Ю.П. Солодуба (МПГУ) / Гл. ред. Н.А. Николина. М.; Ярославль, 2007. С. 40–52; *Грищенко А.И., Николина Н.А.* Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности / Отв. ред. И.Т. Вепрева, Н.А. Купина, О.А. Михайлова. Екатеринбург, 2006. С. 175–187.

[7] *Zubov M.Í.* Davn'orus'kiy yetnoním fryazi: odna bogoslovs'ka konotatsíya // Zapiski z onomastiki = Opera in onomastica. Odesa: Odes'kiy natsíonal'niy univérsitet ímení Í. Í. Mechnikova. 2002. Vip. 6. S. 3–13 (in Ukrainian).

время это понятие обозначало католиков. Фряги, к которым на Руси относились в первую очередь итальянцы, отличались от других иностранных гостей из Северной и Западной Европы. Не имея возможности с ними разговаривать без переводчика, не получая ответной реакции на задаваемые вопросы, местное население успокаивало себя тем, что эти люди немые. И хотя определение немого человека как "немца" первоначально включало уроженцев не только германских земель, но и многих других европейцев, закрепилось оно лишь в отношении выходцев из германских княжеств.

Если первую причину можно назвать естественным результатом ограниченного понимания, то вторая причина появления топонимических прозвищ связана с проявлением межэтнической вражды. Прозвище подчеркивало неприятие уже не отдельных представителей иной культуры, а ее носителей целиком, как единой социальной общности, обладающей полностью противоположными ценностями и отличающейся неприемлемой для субъекта идентификации практикой организации жизни, семейных и трудовых отношений, наличием таких политических ориентиров, которые у автора прозвища считаются неприемлемыми. Часто в основе этой причины лежало наличие другой веры, как в прозвище "басурман", происходящем от искаженного слова "мусульманин", а потому первоначально наполненным религиозным смыслом. Приверженцы ислама в свою очередь прозвищем "кафир" обозначали всех немусульман.

Неуважительное отношение к этническим соседям далеко не всегда определялось конфессиональными различиями. Также оно могло отражать изменения содержания изначально нейтрального термина. Например, во второй Псковской летописи, датируемой в 1444 г., упомянут этнос "чухно"[8]. Несмотря на то что данное понятие было закреплено в официальной лексике, поскольку в Российской империи так называли карело-финское население, включающее в первую очередь ингерманландских финнов, которые проживали в окрестностях Петербурга, в народном говоре термины "чухна", "чухонь", "чухонец" передавали крайне неуважительное отношение русских к представителям финно-угорских народов. Аналогично греки изначальное понятие "ксенос" (греч. Ξένος), означающее "странника" или "паломника", не без пренебрежительного оттенка стали употреблять относительно широкого круга иностранцев, мигрантов, носителей другого языка, чуждых греческой культуре.

[8] Псковские летописи / Под ред. А.Н. Насонова. М., 1955.

Обратимся теперь к моменту актуализации будничной стороны жизни в сложные времена. В связи с тем, что в любой культуре имеется множество пластов, следует выделить третью причину возникновения негативных топонимических прозвищ, касающуюся такой важной детали истории повседневности, как национальная кухня, символически вбирающая в себя множество смыслов не только хозяйственной деятельности, но и жизненного уклада народа в целом, определяющего его региональную идентичность. Наиболее известный пример из разряда топонимических прозвищ, акцентирующих разницу кухонь, касается прозвища итальянцев, в число любимых блюд которых попали самые разнообразные макаронные изделия, что дало почву для прозвища "макаронники"[9]. А для проживающих в Северной Италии у жителей Южной Италии имеется специфическое прозвище, отражающее их любовь к поленте. Это — *polentone* ("пожиратель поленты"). В блюдах французской кухни применяются некоторые виды лягушек и имеется такой деликатес, как лягушачьи лапки (фр. *Cuisses de grenouille*). Из-за этого французы получили прозвище "лягушатников".

Поскольку топонимы и антропонимы часто близки по звучанию, то случается, что ошибочно происхождение регионального прозвища приписывается названию географического объекта. В частности, обозначающий валлийца уничижительный термин "Таффи", который на русский язык переводится как "ириска" (англ. *taffy-toffy*), ведет начало не от реки Тафф, а от искаженного звучания имени "Дэвид" в валлийском варианте — "Дафидд". Обидным может считаться прозвище "пожиратель ворон" (англ. *croweater*), присвоенное соседями первым поселенцам из штата Южная Австралия, которые из-за неблагоприятной почвы не были успешными в сельском хозяйстве и для выживания охотились, в том числе и на ворон.

Вместе с тем известны преобразования региональных прозвищ этого порядка в своеобразные пищевые бренды, как, например, прозвища "бульбаш" (белор. бульба — "картофель") в Белоруссии[10]. Другой пример — американский штат Висконсин, который ассоциируется с сыром и вносит весомый вклад в производство молочных продуктов. Отсюда сам штат имеет прозвище "Молочная страна

[9] См., например: *Веселов Ю.В.* Всемирная история еды: введение в гастрономическую экономику. М., 2023; *Монтанари М.* Голод и изобилие. История питания в Европе. СПб., 2009; *Терновая Л.О.* Гастрономическая геополитика. Монография. М., 2020.

[10] Etymalagíchny sloŭník belaruskay movy [Etymological dictionary of the Belarusian language]. Mínsk, 1978. T. 1: A—B. P. 410 (in Belorussian).

Америки"[11], а его жители — "сырная голова" (англ. *Cheesehead,* нидерл. *Kaaskop*).

Предложим еще один ракурс осмысления исследуемой темы, который можно сформулировать следующим образом: имя — ключ к общению, а искаженное имя — его взлом. Прочное прикрепление конкретных антропонимов к представителям определенных этносов также позволяет определять это обстоятельство как еще одну, четвертую, причину рождения этнофолизмов. Данный вид региональных прозвищ берет начало в упрощенном понимании наиболее распространенного для этноса имени: для германского — Фрица или Ганса; для казахского — Мамбет (от "Махамбет", являющимся казахским произношением имени "Мухаммед"). Хотя в подавляющем большинстве случаев такое прозвище имеет обобщающий этнический оттенок, маркирует не место, а социальную общность, оно косвенно указывает и на локус происхождения и проживания входящей в эту этническую общность персоны.

Обратимся к топонимическим истокам этнофолизмов. Стремление к упрощению любого элемента общения: межличностного, межэтнического, межгосударственного и др., — может быть результатом непонимания и неприятия носителя таких отличий, что становится истоком еще одной, пятой причины образования региональных прозвищ, имеющих топонимическую базу. При общей распространенности таких прозвищ обращает на себя внимание частота их употребления в странах Западного полушария, где ими обозначаются жители соседних государств, штатов и даже чем-то примечательных районов городов[12]. Как и в случае с прозвищами, основанными на продуктовой специфике местности, те люди, к кому они прикрепляются, выработали модели превращения этих имен в почетные наименования, четко идентифицирующие их отличия от других. Так, прозвище "*Hoosier*", означающее в США выходца из штата Индиана, стало не только обозначать спортивные команды Индианского университета (англ. *Indiana University*), расположенного в Блумингтоне, но также используется для наименования его студентов. В Мексике жители города и одноименного штата Агуаскальентес (исп. *Aguascalientes*), название которого происходит из испанских слов "*aguas calientes*", что обозначают "горячие воды", получили прозвище "*Hidrocálido*". Оно же стало не только наименованием городской газеты, но и новостного веб-сайта Агуаскальентеса.

---

[11] *Kane J.N., Alexander G.L.* Nicknames and sobriquets of U.S. cities, States, and counties. Lanham, 1979. P. 412.

[12] *Allen I.L.* Unkind words: ethnic labeling from redskin to WASP. N.Y., 1990. P. 59–61.

Классическими примерами перевода пренебрежительного смысла, заложенного в прозвище, в его позитивное звучание стали "хиллбилли" (англ. *hillbilly*) и "реднеки" (англ. *rednecks*, дословно — "красношеии"). Оба эти термина получили распространение в Соединенных Штатах Америки, где ими маркируются определенные общности с отличием организации быта от своих соседей, сформировавшие собственную субкультуру и гордящиеся ей и собственной историей. Хиллбилли являются потомками ирландских и шотландских эмигрантов, поселившихся в сельской местности, прежде всего в Аппалачских горах[13]. Из этих же мест происходят и реднеки, прозвище которых стало производным от результатов их напряженной работы на полях[14].

В качестве шестой причины рождения топонимических прозвищ, закрепляющих региональную идентичность, следует выделить геополитические основания. Известно, что у Соединенных Штатов Америки были четкие планы по контролю над созданной в 1903 году Зоной Панамского канала (англ. *Panama Canal Zone*, исп. *Zona del Canal de Panamá*). Там находились американские военные базы, было достаточно много обслуживающего их нужды персонала, который свысока смотрел на местное панамское население, за что и получил от последнего прозвище "зониен". Одним из таких зониен был сенатор Джон Маккейн, родившийся недалеко от панамского города Колон на базе подводных лодок США "Коко-Соло" (англ. *Coco Solo*)[15]. К такому же геополитическому типу топонимических наименований можно отнести пару прозвищ — "Весси", отмечающее жителей западных земель Германии (от нем. *Westdeutschland*), и "Осси", указывающее на бывших граждан Германской Демократической Республики, располагавшейся на территории пяти восточных земель (от нем. *Ostdeutschland*). Прозвища именно такого порядка в наши дни все более активно наполняют язык политического дискурса[16].

Итак, в качестве заключения предложим следующие выводы. Кризис глобального миропорядка проявляется не только в росте военной напряженности в разных частях планеты. Он обнаруживается в расширении трещины между геополитическим Севером и Югом, между государствами-экспортерами и государствами-им-

[13] *Harkins A.* Hillbilly: a cultural history of an American Icon. N.Y., 2003.

[14] *West S.A.* From Yeoman to Redneck in the South Carolina Upcountry, 1850–1915. Charlottesville, 2008.

[15] *Welch M.* McCain: the myth of a Maverick. N.Y., 2007.

[16] *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. М., 2004.

портерами энергетических ресурсов, между социумами с несовпадающими представлениями о правах человека и фундаментальных ценностях[17]. В этом опасном повороте мирового развития теряется ранее существовавшая надежда на то, что человечество недовыполненные задачи глобализации сумеет реализовать, использовав все неоспоримые преимущества тенденции регионализации.

Трещины, обозначающие линии конфликтов, пробежали и по территориям регионов, раздробив их на такие субрегиональные пространства, которые изначально совпадали с местами компактного проживания в них тех этносов, что могут быть отнесены к коренным, историческим. Присвоение их представителям прозвищ, имеющих топонимическую природу или производных от топонимов и родственных им этнонимов, с одной стороны, становится знаком не просто закрепления их отличия от других, но часто и формой своеобразной стигматизации, основанной на негативном восприятии любой непохожести. С другой стороны, нельзя отрицать влияния подобной лексической стигматизации на укрепление этой субрегиональной общности и на процессы формирования ее уникальной идентичности, отражающей рост национального и политического самосознания и общей осознанности. Таким образом, в проанализированном в статье процессе проявления региональной идентичности в топонимических прозвищах можно найти не только результаты усиления социальной напряженности, но и пусть очень слабые, но проблески выхода на новый уровень коммуникативной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Веселов Ю.В. Всемирная история еды: введение в гастрономическую экономику. М., 2023.

Грищенко А.И. Источники возникновения экспрессивных этнонимов (этнофолизмов) в современном русском и английском языках: этимологический, мотивационный и деривационный аспекты // Активные процессы в современной лексике и фразеологии: Материалы международной конференции 8–9 июня 2007 г. памяти Л. В. Николенко и Ю.П. Солодуба (МПГУ) / Гл. ред. Н.А. Николина. М., 2007. С. 40–52.

Грищенко А.И., Николина Н.А. Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности / Отв. ред. И.Т. Вепрева, Н.А. Купина, О.А. Михайлова. Екатеринбург, 2006. С. 175–187.

Дубровский Д.В. и др. Язык вражды в русскоязычном Интернете: Материалы исследования по опознаванию текстов ненависти. СПб., 2003.

[17] Универсальные ценности в мировой и внешней политике / Под ред. П.А. Цыганкова. М., 2012.

Коробкова О.С. Маркеры языка вражды в номинациях этнической принадлежности: социолингвистический аспект // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 111. С. 200–205.

Монтанари М. Голод и изобилие. История питания в Европе. СПб., 2009.

Парфенова Н.Н. Из истории антропонимических терминов: фамилия, прозвище, прозвание // Русский язык: вопросы теории и методики преподавания: Сб. науч. ст. Сургут, 2000. С. 60–68.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А.В. Суперанская. М., 1988.

Псковские летописи / Под ред. А.Н. Насонова. М., 1955.

Рекомендация № R (97) 20 Комитета министров Совета Европы государствам-членам "О вопросах разжигания ненависти". URL: https://docs.cntd.ru/document/90199634 (дата обращения: 20.05.2023).

Терновая Л.О. Гастрономическая геополитика: Монография. М., 2020.

Терновая Л.О. Образ "врага" в "век тревоги" // Молодежь России перед лицом глобальных вызовов на рубеже веков (Как противостоять агрессивному экстремизму, ксенофобии и насилию среди молодежи). Мат-лы междунар. конф. 18–19 ноября 2000 г. Москва, Россия. М., 2001. С. 164–167.

Универсальные ценности в мировой и внешней политике / Под ред. П.А. Цыганкова. М., 2012.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М., 2004.

Шостка Е.С. Региональные прозвища: психологическая и социальная характеристика // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Вып. 5 (73). С. 59–62.

REFERENCES

Allen I.L. Unkind words: ethnic labeling from redskin to WASP. N.Y., 1990.

Dubrovskiy D.V. i dr. Yazyk vrazhdy v russkoyazychnom Internete: materialy issledovaniya po opoznavaniyu tekstov nenavisti [Hate speech on the Russian Internet: Materials of a study on the identification of hate texts]. SPb., 2003 (in Russian).

Etymalagíchny sloŭník belaruskay movy [Etymological dictionary of the Belarusian language]. Mínsk, 1978. T. 1: A–B (in Belorussian).

Grishchenko A.I. Istochniki vozniknoveniya ekspressivnykh etnonimov (etnofolizmov) v sovremennom russkom i angliyskom yazykakh: etimologicheskiy, motivatsionnyy i derivatsionnyy aspekty [Sources of expressive ethnonyms (ethnopholisms) in modern Russian and English: etymological, motivational and derivational aspects] // Aktivnyye protsessy v sovremennoy leksike i frazeologii: Materialy mezhdunarodnoy konferentsii 8–9 iyunya 2007 g. pamyati L.V. Nikolenko i YU.P. Soloduba (MPGU) / Gl. red. N.A. Nikolina. M., 2007. S. 40–52 (in Russian).

Grishchenko A.I., Nikolina N.A. Ekspressivnyye etnonimy kak primety yazyka vrazhdy [Expressive ethnonyms as signs of hate speech] // Yazyk vrazhdy i yazyk soglasiya v sotsiokul'turnom kontekste sovremennosti / Otv. red. I.T. Vepreva, N.A. Kupina, O.A. Mikhaylova. Yekaterinburg, 2006. S. 175–187 (in Russian).

Harkins A. Hillbilly: a cultural history of an American icon. N.Y., 2003.

Kane J.N., Alexander G.L. Nicknames and sobriquets of U.S. cities, States, and counties. Lanham, 1979.

Korobkova O.S. Markery yazyka vrazhdy v nominatsiyakh etnicheskoy prinadlezhnosti: sotsiolingvisticheskiy aspect [Hate Speech Markers in Ethnicity Nominations: Sociolinguistic Aspect] // Izv. Ros. gos. ped. un-ta im. A.I. Gertsena. 2009. N 111. S. 200–205 (in Russian).

Montanari M. Golod i izobiliye. Istoriya pitaniya v Yevrope [Hunger and abundance. History of nutrition in Europe]. SPb., 2009 (in Russian).

Parfenova N.N. Iz istorii antroponimicheskikh terminov: familiya, prozvishche, prozvaniye [From the history of anthroponymic terms: surname, nickname, nickname] // Russkiy yazyk: voprosy teorii i metodiki prepodavaniya: Sb. nauch. st.. Surgut, 2000. S. 60–68 (in Russian).

Podol'skaya N.V. Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii [Dictionary of Russian onomastic terminology] / Otv. red. A.V. Superanskaya. M., 1988 (in Russian)

Pskovskiye letopisi [Pskov chronicles] / Pod red. A.N. Nasonova. M., 1955 (in Russian).

Rekomendatsiya N R (97) 20 Komiteta ministrov Soveta Yevropy gosudarstvamchlenam "O voprosakh razzhiganiya nenavisti" [Recommendation No. R (97) 20 of the Committee of Ministers of the Council of Europe to member states on matters of hate speech]. URL: https://docs.cntd.ru/document/90199634 (accessed: 30.09.2022) (in Russian).

Sheygal Ye.I. Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of political discourse]. M., 2004 (in Russian).

Shostka Ye.S. Regional'nyye prozvishcha: psikhologicheskaya i sotsial'naya kharakteristika [Regional nicknames: psychological and social characteristics] // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki. 2009. Vyp. 5 (73). S. 59–62 (in Russian).

Ternovaya L.O. Gastronomicheskaya geopolitika [Gastronomic geopolitics]: Monografiya. M., 2020 (in Russian).

Ternovaya L.O. Obraz "vraga" v "vek trevogi" [The image of the "enemy" in the "age of anxiety"] // Molodezh' Rossii pered litsom global'nykh vyzovov na rubezhe vekov (Kak protivostoyat' agressivnomu ekstremizmu, ksenofobii i nasiliyu sredi molodezhi). Materialy mezhdunarodnoy konferentsii 18–19 noyabrya 2000 g. Moskva, Rossiya. M., 2001. S. 164–167 (in Russian).

Universal'nyye tsennosti v mirovoy i vneshney politike [Universal values in world and foreign policy] / Pod red. P.A. Tsygankova. M., 2012 (in Russian).

Veselov Ju.V. Vsemirnaja istorija edy: vvedenie v gastronomicheskuju jekonomiku [The World History of Food: An Introduction to Gastronomic Economics]. M., 2023 (in Russian).

Welch M. McCain: the myth of a Maverick. N.Y., 2007.

West S.A. From yeoman to redneck in the South Carolina Upcountry, 1850–1915. Charlottesville, 2008.

Zubov M.Í. Davn'orus'kiy yetnoním fryazi: odna bogoslovs'ka konotatsíya [Old Russian ethnonym phrase: one theological connotation] // Zapiski z onomastiki = Opera in onomastica. Odesa, 2002. Vip. 6. S. 3–13 (in Ukrainian).